

Социальный аспект перевода

В современном мире, определяющими характеристиками которого являются глобализация экономических и политических процессов, активное образование многонациональных и поликультурных государств и надгосударственных образований, массовая миграция населения и беспрецедентный по скорости и эффективности обмен информацией при помощи электронных СМИ, вопрос о взаимоотношении общества и языка, обслуживающего данный социум, приобретает чрезвычайную актуальность.

Тот факт, что язык не единообразен в социальном отношении, отмечался лингвистами еще в начале XVII в. Так, преподаватель университета города Саламанка (Испания) Гонсало де Корреас указывал на существование социальных разновидностей языка: «Нужно отметить, что язык имеет, кроме диалектов, бытующих в провинциях, некоторые разновидности, связанные с возрастом, положением и имуществом жителей этих провинций: существует язык сельских жителей, простолудинов, горожан, знатных господ и придворных, ученого-историка, старца, проповедника, женщин, мужчин и даже малых детей».

Таким образом, уже три столетия назад Корреас удивительно близко подошел к классификации стратификационных социальных факторов, которыми оперирует современная социолингвистика при анализе гетерогенного языкового материала: пол и возраст говорящего, его социальная принадлежность, характер образования и профессиональной деятельности, географический ареал формирования его речевого репертуара. Лингвистические исследования, анализирующие обусловленность особенностей речевого поведения социальными факторами стратификационного и ситуативного плана, с начала прошлого столетия велись в Чехии, России, Франции, Великобритании. Многие ранние работы отличал так называемый вульгарно-социологический подход, применявшийся к описанию взаимоотношений между языком и обществом, в основе которого лежала идея об изоморфном характере изменений, происходящих в этих структурах.

Такие взгляды, расцениваемые современной социолингвистикой как своего рода «болезнь роста», в той или иной степени разделяли А. Мейе, Б. Бернштейн, Н.Я. Марр и ряд других видных ученых, представлявших Пражский лингвистический кружок, французскую социологическую школу, британское и отечественное языкознание первой половины XX в.

В настоящее время большинство лингвистов придерживается точки зрения, что отношения между структурой общества и структурой языка устроены гораздо сложнее: признавая ведущую роль социума в другие «общество-язык», они указывают на ряд обстоятельств, свидетельствующих о том, что социальное достаточно сложно трансформировано в языке:

1) несмотря на то, что в целом темпы эволюции языка зависят от темпов развития социума, который он обслуживает, язык, тем не менее, всегда отстает в своих изменениях от социальных преобразований;

2) далеко не все социальные новшества, нашедшие свое языковое отражение, остаются популярными; с течением времени язык «избавляется» от целого ряда нововведений, не вписавшихся в рамки внутриязыковых законов и норм речевого узуса;

3) язык является не пассивным элементом данного дуэта, а выполняет как минимум две важнейшие функции: с одной стороны, он представляет тот «строительный материал» (единицы всех языковых уровней: фонетического, грамматического и лексического), который и обеспечивает базу изменений. С другой стороны, он служит своего рода «фильтром» для отбора тех из них, которые будут в дальнейшем определять основные тенденции развития;

4) являясь частью культуры, язык, в свою очередь, может опосредованно воздействовать на социум, в частности на менталитет общества через особенности категоризации предметов и явлений, специфику языкового отражения когнитивной деятельности и пр.;

5) пропорция взаимного влияния общества и языка характеризуется определенной исторической мобильностью: в периоды социальных потрясений закономерным образом усиливается давление социума на язык, в то время как нивелирующее влияние языковых фильтров ярче прослеживается в периоды относительного социального равновесия;

6) речевой репертуар каждого отдельного представителя данного социума не является результатом простого механического сложения влияния составляющих, которые образуют его социальный статус. Эта совокупность речевых форм, употребляемых индивидуумом в социально значимом взаимодействии, является своего рода набором наслаивающихся фонетических, лексических и грамматических средств, из которых говорящий в каждой конкретной ситуации выбирает те, что позволяют наиболее адекватно осуществить социальное взаимодействие.

Последний тезис с неизбежностью приводит лингвистов к необходимости антропоцентрического подхода к изучению языкового варьирования, предполагающего особое внимание к фигуре говорящего как

основному фактору, обуславливающему это варьирование и выделению различных типов говорящих в зависимости от стратификационных и ситуативных характеристик коммуникантов и самого коммуникативного акта.

Детальный анализ процессов речевого общения, в которых определяющее значение имеют такие факторы, как набор социальных ролей, проигрываемых коммуникантами, социально-психологические условия, коммуникации, иллюкативная сила речевых актов, переключение говорящих с одного кода на другой и прочие социальные переменные, имеют огромное практическое значение как в преподавании языков, так и в обучении искусству перевода с одного языка на другой. Традиционная методика изучения иностранных языков базируется, прежде всего, на усвоении их внутренней структуры через анализ фонетических, грамматических и синтаксических правил их функционирования и заучивании лексики.

В процессе обучения переводу к вышеперечисленным факторам добавляется рассмотрение основных лексико-грамматических трансформаций, необходимых для адекватной передачи информации оригинала, а также анализ возможных трудностей перевода – таких явлений, как имена собственные, аббревиатуры, стилистические тропы и т.п.

Сегодня, однако, на первый план выдвигается задача формирования компетенций более высокого уровня, в основу которых закладывается умение анализировать дискурс во всей его сложности, с учетом знаний, накопленных прагмалингвистикой, когнитивистикой, психолингвистикой и социолингвистикой. Остановимся подробнее на некоторых социолингвистических аспектах перевода.

Бертран Рассел как-то заметил: «Невозможно понять, что буквально означает слово «сыр», если не обладать нелингвистическим знакомством с сыром» [2; 3].

Данная цитата точно и образно описывает проблему, с которой потенциально способен столкнуться переводчик, не обладающий необходимыми социолингвистическими знаниями, т.е. знаниями об устройстве общества, с языка которого осуществляется перевод. Эта проблема характеризуется двумя основными аспектами: первый связан с передачей социальных реалий исходной социокультурной системы, а второй – с опосредованным отражением дифференциации общества через социально обусловленную дифференциацию языка. Задача, стоящая перед переводчиком, может быть осложнена тем, что в силу значительных расхождений в самом устройстве общества – его классовой структуре, наличию или отсутствию территориальных диалектов, представленности тех или иных профессиональных и групповых диалектов, сама «матри-

ца общения» языка перевода может иметь достаточно мало совпадений с «матрицей общения» языка оригинала.

Так, например, в американском варианте английского языка часто употребляется социальный термин «suburbia», который может обозначать сразу несколько понятий:

- 1) предместья и их жители; пригороды; обыватели;
- 2) жители предместий; жители пригорода;
- 3) провинциализм;
- 4) мещанство.

При этом, однако, следует отметить, что в русском языке только одно из этих значений – «предместье, пригород» соответствует английскому денотату. Понятие «жители пригорода» не ассоциируется, в отличие от английского языка, с людьми среднего и высшего класса, предпочитающих иметь собственные особняки за чертой города: такие предпочтения только входят в моду у обеспеченных людей России.

Что же касается русского слова «мещанство», то оно исторически ассоциировалось как раз с жителями города, а не предместий и приобрело отрицательную коннотацию, проявляющуюся в английском контексте крайне редко. Подобные расхождения мы находим и в других социальных терминах. Приведем в качестве примера выдержку из романа Джоди Пиколт «Девятнадцать минут», иллюстрирующую американский школьный сленг: «Let's ditch school», he said. "It's so nice out to be stuck inside all day". – "If you ditch, you'll be benched" [3; 12]. Стилистически маркированную фразу «to ditch school» можно перевести на русский язык как «прогулять уроки», «забить на школу», а вот выражение «to be benched» представляет собой переводческую проблему. Оно пришло в школьный сленг из спортивного, где означает «быть отправленным на скамейку запасных игроков» и употреблено в романе именно в этом значении. Трудность же заключается в том, что в российской школе практика организации постоянно действующих школьных спортивных сборных скорее исключение, чем правило. В связи с этим сам вид наказания за нарушение дисциплины тоже вряд ли будет понятен русскому читателю без дополнительных переводческих комментариев. То же самое можно отнести и к следующему примеру: «Behind them were art freaks, who smoked clove cigarettes on the ropes course and drew manga comics...» [3; 16]. Реалии, так хорошо известные американскому школьнику японские комиксы, сигареты с запахом гвоздики нуждаются в дополнительных объяснениях, когда речь идет о переводе.

В этом же романе мы находим многочисленные примеры явления, которые американские социолингвисты называют термином «legalese»

– юридического сленга, представляющего сложность как в силу специфики самой американской судебной-правовой системы, так и вследствие расхождения денотативных и коннотативных оттенков тех терминов, аналоги которых существуют в юридическом сленге обоих языков. Так, например, пока только описательным способом можно перевести такие общепринятые в американской правовой системе термины, как «date-raping», «involuntary emergency admission», «identity theft» и др. Очевидно, что без знания соответствующих социальных реалий попытки перевода будут обречены на неудачу.

Интересным примером переноса устойчивых сочетаний из «legalese» в повседневную лексику может служить ситуация, когда одна из героинь романа, занимающая должность окружного судьи, говорит, обращаясь к своей дочери-школьнице: «What's on the docket today?» и получает ответ «Unit test»[3;6]. Юридический термин «docket» означает следующее: «список дел, назначенных к слушанию», «реестр судебных дел». Совершенно очевидно, что выбирая между ситуационной адекватностью и образностью, переводчик может либо трансформировать эту фразу в привычное русское клише: «Какие планы на сегодня?», либо сохранить образ оригинала хотя бы частично: «Что в списке дел на сегодня?» Во втором случае более уместно прозвучит и перевод ответа старшей собеседницы на повторенный ее дочерью вопрос: «Arraignments» – «Предъявление обвинений».

Приведенные нами примеры иллюстрируют лишь два социальных диалекта, бытующих в современном английском языке, но они достаточно ярко демонстрируют необходимость овладения знаниями о языковом отражении социальных реалий, особенностях общественного устройства, специфике социолектов, представленных в данном обществе и социальной норме, относящейся не только к построению дискурса, но и к воссозданию его социальной специфики в языке перевода.